

ШИПОВНИК

Памяти 90-х

1

По́ лугу Вре́мя выхо́дит на скло́н –
долго́е пла́тье шиповнику́ в то́н.
Надо́ поторо́питься.
Лишь бы́ не заблуди́ться...
Подол е́й ного́й прижа́ла –
вроде бы́ приде́ржала.
А на ду́ше, не укры́той щито́м,
страх заво́рочался о́стрым шипо́м –
колет ви́ной неизбы́той
из глуби́ны позабы́той.

Вижу́ неласко́вой па́мяти го́д.
Вот на теле́ге кобы́ла везёт
нас в молчали́вой печа́ли.
Ферма́ молочна́я неда́лека,
да не дои́щешься́ моло́ка –
едем за́ кирпи́чами.
Холо́дно в на́шем до́му –
ста́рая печка́ в ды́му...

Метя осилить осеннюю хмарь,
 ветер раскачивает фонарь –
 капает свет немогущий
 на непроглядную гущу.
 А мне почудилось: из-за плеча,
 ржавой консервной банкой бренча,
 гонится зло обратное –
 пугало огородное.
 Хитрое: ветер замрёт –
 и ни назад, ни вперёд.

Собственный лучик устала в ночь,
 но беспросветную тьму превозмочь
 силы ручного светила
 или моей – не хватило.
 Крыса мелькнула шурша...
 Волком завывала душа.

Вот и дороге недалей конец,
 лошадь привязывает отец.
 А на дверях от незваных гостей –
 мощные шляпки гвоздей.
 Но мы не первые знаем
 узкую щель за сараем,
 и за покровами тьмы
 здесь не последние мы...

Тощей, что твой кощей,
 мне втискиваться в эту щель.
 Крыса коснулась ноги,
 а выкрикнуть – не могли...
 Только, едва горя,
 дёрнулся луч фонаря –
 выхватил из ночи
 красные кирпичи,
 цветом издалека
 вроде шиповника.

Страшно, а не спешу –
бережно выношу...

Над головой ворона
выкрикивала: «Воровка!...»
А стыдобой не жгло.
Думала только знобко:
главное, чтобы снова
стало в доме тепло...
Стало в доме тепло...

4

Всё, как в тумане, было:
высвободилась – и прочь
нас повезла кобыла
через глухую ночь.
Снова фонарь дрожал –
пугалом угрожал...

Дважды переложили –
вымотали все жилы...
Столько перетаскала
рыжего кирпичья –
встала и зарыдала
в три проливных ручья.

Понял отец и обнял –
на руки нежно поднял,
и на его руках
кончились тьма и страх.
Вместо сырого праха
духом не привозным
пахла его рубаха –
огненным и земным.
И накатился сон
солнечно невесом...

5

Долго люди ещё в ночи
хаживали по кирпичи,

да всё, что уворовали,
на водку и хлеб сменяли.
Сарай раздёргали на дрова,
и ферма без похорон мертва...

А мы сумели тепло сберечь –
в доме сложили русскую печь.
Но, точно крыльями вороньё,
накрыла чаща село моё,
и за наименьшем иных дорог
каждый в ней выживал, как мог.

6

По лугу Время идёт налегке
в спелом шиповнике к тихой реке.
Надо поторопиться.
Лишь бы не заблудиться...

* * *

Выйдя под солнечные лучи,
про сокровенное промолчи
и, окунаясь в безмолвный зной,
не очаровывайся тишиной.
Если послушаешься – всегда
будет в колодце чиста вода.

А вот иные придут ветра –
тогда распахиваться пора.
Загонят солнце за облака,
тогда и сердце – до широка...

Но если солнечные лучи –
про сокровенное промолчи,
мысли рвущиеся, храня,
сдерживай, точно в узде коня...

Так, словно я ей – дочка,
женщина-одиночка
ведала-ворожила –
слово своё сложила.
Слово не забываю,
да слушалась ли –
не знаю.

ПОЛЯРНАЯ СОВА

Вьюгу бабочек белых
живую волною тепло
на холодные камни,
как будто весной, принесло.
В подвенечное платье
они одевали собой,
а потом собрались воедино
полярной совой.

Эта птица навyleт
пробила мороку мою.
Больше жить не могла я
у стьолой реки на краю
и, стихи по камням рассыпая,
за белой совой
побежала, как нищенка,
вымолить встречу с тобой.
Мне, как ломтика свежего хлеба,
тебя не хватало –
точно в каменной груди
от чёрствого оголодала...

Над землёю за снежной завесой
своим чередом
увидала летящий без крыльев
серебряный дом,
и старик седовласый

сурово с крыльца поглядел –
строго-настрою мне за совою
ходить не велел.

Но к запретному небом
я шла – оступалась и шла.
И метелица снегом
меня в наказание жгла,
обвивала, душила,
в тяжёлых сугробах топя...
А когда я нашла тебя –
я оттолкнула тебя.

Ямы нашей разлуки
накрыли морозные льды –
никогда я не выплыву
из-под парящей воды.
Рукавицею белой
мне зябкую руку не мни,
не нашёптывай снова
про тёплые летние дни:
как старинные кости,
они в мерзлоте омертвели –
серой пылью осыпались,
высохли, окаменели...

А сова подвенечное платье
надела сама.
Проливными дождями умылась
былая зима.
Побережные камни
ушли по дороге песков,
закуржавленной инеем
мелких живых лепестков.
Набери белоснежных,
глубокую горсть набери –
их горячее сердце
жене молодой подари.